

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМ ПРЕДФИЛОСОФИИ

ТЕОКОСМОГОНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ МЫСЛИ АМАРНСКОГО ПЕРИОДА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В.В. Жданов

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена историко-философскому анализу теокосмогонической проблематики в текстах амарнской эпохи — важнейшего этапа в истории древнеегипетской предфилософии и всей духовной культуры Древнего Египта эпохи Нового царства.

Ключевые слова: предфилософия, теокосмогония, Эхнатон, Атон, креационизм, теология, солярная религия.

Теокосмогонии, несомненно, являются важнейшим составляющим элементом любой предфилософской традиции древности — как с точки зрения своего положения в рамках мифологического мировосприятия той или иной культуры, так — и это для историка философии оказывается важнее всего — и с позиций своей роли в длительном разворачивании духовной эволюции древнего человека, образующем начальный, «доисторический» этап мирового историко-философского процесса, завершившийся становлением философии как самостоятельной формы мировоззрения и духовной культуры. Это в полной мере можно отнести и к типичным «дофилософским» культурам Древнего Ближнего Востока, в частности, к предфилософской мысли Древнего Египта амарнского периода — самой яркой и противоречивой эпохи во всей культурной истории Египта Нового царства.

Этот довольно короткий, но необычайно насыщенный событиями как политического, так и культурно-исторического характера отрезок второй половины царствования XVIII династии охватывает собой период правления Аменхотепа IV (Эхнатона) (1351—1334 гг. до н.э.), а также его непосредственных преемников — Семнехкара (1334—1333 гг. до н.э.), Тутанхамона (1333—1323 гг. до н.э.), Эйе (1323—1319 гг. до н.э.) и Хоремхеба (1319—1292 гг. до н.э.).

Религиозным и политическим последствиям реформы Эхнатона, как, впрочем, и последовавшей сразу после смерти ее главного вдохновителя «контрреформации», за последние несколько десятков лет в мировой и отечественной историографии было посвящено столь большое количество работ (1), что мы не будем касаться здесь вопроса о детальном изложении хронологии этих событий, потрясших до основания традиционные устои египетского религиозного и обыденного мировосприятия — и при этом, как опять-таки весьма убедительно было показано исследователями в последние десятилетия [5], во многом имевших свои духовные основания в дискурсе традиционной египетской солярной религии.

Утверждение и легитимизация Эхнатоном посредством собственных указов «государственного» культа нового «гелиоморфного» бога Атона, физического Солнца, воплощенного в солнечном диске и являющегося отцом царствующего монарха, сопровождавшееся чрезвычайно жесткими акциями подавления традиционных культов и политического «обезоруживания» их сторонников, в первую очередь были направлены на борьбу с фиванской теологией Амуна-Ра, своими теоретическими постулатами о сокрытости, уникальности и абсолютной единственности Амуна как «бога-царя» представлявшей серьезную угрозу как для расширения политических полномочий института царской власти в целом, так и для чрезвычайно высоких личных политических амбиций самого Эхнатона в частности.

Любопытно, что даже самые известные памятники амарнской религии и теологии, такие, как знаменитый «Большой гимн Атону», авторство которого часто приписывается самому Эхнатону, не просто не содержат в своем составе более или менее обширных рассказов или развернутых повествований космогонического содержания, но и каких-либо разрозненных фрагментов, посвященных истории творения мира как таковой; Атон как демиург интерпретируется в них не с точки зрения его созидających действий в прошлом (то есть истории творения мира), сколько с позиции рассмотрения результатов этого творения в настоящем времени, представленных нынешним состоянием универсума, а также того всеопределяющего положения, которое Атон в нем занимает. Очень характерным и весьма содержательным в плане представления подобной интерпретации творения текстом может считаться вторая часть «Большого гимна» Атону, в которой в форме обращения к новому «гелиоморфному» божеству упоминаются, помимо прочего, и его демиургические «заслуги» перед миром и населяющими его народами:

Творишь ты миллионы воссуществований из себя, единственного [12. P. 95, 12—13].

Использование здесь слова «единственный» (*уаи*) выглядит совершенно естественным в свете многочисленных в прошлом попыток интерпретации исследователями амарнской религии если не как монотеизма (что по целому ряду фактических моментов выглядит не совсем обоснованным) (2), то, по крайней мере, как некоего «солярного универсализма».

С другой стороны, можно согласиться с Я. Ассманом, который, рассуждая об общих векторах развития амарнской религии, называет ее «первой контррелигией в истории» [5. S. 214].

Креационизм в той форме, в которой он представлен в тексте «Большого гимна» Атому, чрезвычайно характерен в своей интерпретации процесса творения не как действий демиурга в прошлом, а как описания положения дел в настоящий момент времени: так, в цитированном выше фрагменте гимна ключевой в данном контексте глагол «делать», «творить» (*ири*) представлен не в форме прошедшего («сотворил»), а именно в форме настоящего («творишь») времени. Это нельзя назвать простой случайностью, ибо подобная ориентация видения процесса творения именно на настоящее органично вытекает из базовых оснований новой религиозной доктрины и заслуживает в данном случае более пристального рассмотрения.

В первую очередь нужно заметить, что амарнская религия, во многом явившаяся порождением так называемой «новой солнечной теологии», получившей широкое распространение в середине царствования XVIII династии (3), вместе с тем качественно отличалась от нее тем, что избрала в качестве основного объекта культа, а также главного экспонента своей теологической доктрины не просто Солнечного бога в одной из его традиционных «ипостасей», а физическое Солнце — Солнце как, в первую очередь, эмпирически постигаемый объект; в этом плане весьма точной оказывается формулировка Э. Хорнунга, в свое время определявшего амарнскую религию как «религию света» [8].

Атон — это, прежде всего, не просто солнечное божество, но солнечный диск — то есть очевидный для всех, чувственно постигаемый образ Солнца. «Гелиоморфный» бог амарнской религии мыслится и представляется в текстах этой эпохи прежде всего как ярко выраженная самоочевидность, не нуждающаяся ни в каких дополнительных спекулятивных обоснованиях своего центрального положения в универсуме, и в этом смысле его можно рассматривать в качестве прямой противоположности «сокрытому» и «потаенному» Амуну, чье доминирующее положение в общей структуре мироздания определяется как раз через своеобразное «раскрытие» этой «потаенности» средствами спекулятивного теологического дискурса, что и делает посвященные ему тексты фиванской теологии чрезвычайно ценными источниками египетской предфилософской мысли.

Теоретические же вдохновители амарнской религии придерживались, если судить по текстам «Большого» и «Малого» гимнов Атому, диаметрально противоположной точки зрения: именно абсолютная открытость главного экспонента новой религиозной доктрины «для всех и для каждого» есть не только главное и очевидное доказательство ее истинности (что ни в коей мере не мешало им регулярно проводить невиданные по своему размаху и жестокости полицейские акции, направленные на полное подавление всякого инакомыслия и, в первую очередь, такого, которое имело хотя бы какое-либо, пусть даже самое отдаленное отношение к культу Амуна и его теологии), но и определенное онтологическое утверждение ее уникальной самодостаточности, что, по их мнению, как раз и отличало ее от традиционных египетских религиозно-теологических концепций.

Очень показательной в этом отношении выглядит ситуация, сложившаяся в амарнскую эпоху с интерпретацией такой фундаментальной для всей египет-

ской предфилософской мысли категории, как Маат («миропорядок—справедливость—истина»). Как показывает анализ текстов Амарны, содержащих в себе эту важнейшую категорию (а частота ее употребления в самых разнообразных источниках этого времени, включая не только официальные документы, но и титулатуру самого Эхнатона, значительно превосходит таковую в период начала царствования XVIII династии), она интерпретируется в них главным образом не в своих «классических» аспектах — онтологическом (миропорядок) и этическом (справедливость) — а в новом, гносеологическом своем понимании — в значении «истина», под которой понимается теологическая доктрина новой религии, противопоставляемая традиционным культам и, в первую очередь, конечно же, фиванской теологии Амуна-Ра.

В традиционных египетских теокосмогониях, в том числе в древнейшей и авторитетнейшей из них — гелиопольской — именно Маат выступает в качестве обозначения процесса сакрального упорядочивания мира, который демиург начинает после «прихода в сознание» и выхода из «инертного» состояния бездеятельности. Здесь эта схема рушится полностью и бесповоротно: являясь абсолютно самодостаточным источником собственного существования, «гелиоморфный» Атон не нуждается ни в каком внешнем по отношению к себе источнике своего возникновения и дальнейшего пребывания в мире — будь то Нун, Маат или какая-либо другая онтологически «насыщенная» категория древнеегипетской мифопоэтики.

Вот почему для Атона как демиурга — если в данном случае этот термин вообще оказывается уместным — прошлое оказывается единым с настоящим и будущим, а следовательно, нет никакой необходимости в наличии четко структурированной истории и хронологии творения. Творение мира в «Большом гимне» Атону интерпретируется не как процесс создания Вселенной Атоном, но как вечно продолжающийся процесс поддержания им существующего мира посредством своего физического в нем присутствия (солнечного света). Творение и поддержание жизни посредством света — чрезвычайно характерная идея в интерпретации природы Атона, нашедшая широкое выражение не только в собственно религиозных текстах, но и в иконографии амарнской эпохи (4).

Важно подчеркнуть, что она при этом совершенно не вписывается в традиционную канву египетской солярной космографии, и, в частности, ни в коей мере не может быть соотнесена с чрезвычайно широко распространенной в гелиопольской традиции мифологической моделью поддержания Солнечным богом справедливого миропорядка (Маат) путем еженощного сражения с силами тьмы и хаоса, возглавляемыми змеем Апопом и рисующей каждый утренний восход Солнца как своего рода повторение творения, имевшего место в изначальном прошлом (*nawt*).

В случае с космологией Амарны идея постоянного поддержания жизни посредством солнечного света начисто лишается всякой мифопоэтической составляющей, но этот факт — и это, кстати, весьма показательно — отнюдь не делает ее более содержательной в плане своей предфилософской компоненты, нежели не-

разрывно связанные с традиционными солярными мифологическими представлениями версии творения мира, излагаемые в гелиопольской теологии периодов Древнего и Среднего царства или, тем более, креационистские пассажи Каирского гимна Аму-ну-Ра эпохи Нового царства.

Картина мироустройства, изображаемая в «Большом» и «Малом» гимнах Атону, если и не основана целиком и полностью на весьма вульгарных эмпирических представлениях, то уж, по крайней мере, начисто лишена какого бы то ни было оттенка спекулятивной интерпретации.

Противопоставление Атона, нового «гелиоморфного» божества сторонников амарнской администрации, с одной стороны, и являющегося его полным антиподом Амуна, наиболее ненавистного для новой «партии власти» экспонента традиционной египетской теологии — с другой, осуществляемое, посредством совершенно различных с содержательной точки зрения вариантов теологического мышления, несомненно, являет собой ярчайший пример отрицания амарнской религией традиционных содержательных норм древнеегипетского предфилософского дискурса (и в том числе теокосмогонических концепций в качестве его неотъемлемого элемента); исходя из этого, вполне ожидаемым оказывалось бы предположение, что тот же самый процесс должен был иметь место и в случае сравнения форм и приемов разворачивания этого дискурса в традиционной (в первую очередь фиванской) и амарнской теологиях соответственно.

Удивительно, но вот этого в амарнской теологии как раз и не происходит, что, несомненно, лишний раз свидетельствует о глубокой укорененности новой теологической парадигмы в традиционном формальном, а отчасти и семантическом поле древнеегипетской солярной теологии, восходящей не только к относительно недавним для нее канонам «новой солнечной теологии» середины царствования XVIII династии, но и к своим «классическим» образцам эпохи Древнего царства (5). Если, например, попытаться сравнить с позиций сходства используемых форм развертывания теологического дискурса знаменитый Каирский гимн Аму-ну-Ра (Pap. Boulaq 17) и «Большой гимн» Атону, то это сходство окажется наиболее заметным в стилистических и грамматических приемах, а также в лексике, используемой для выражения уникальности Аму-ну-Ра и Атона соответственно:

один бог, нет другого, кроме него [12. Р. 94, 17] —

такими словами описывается Атон в тексте «Большого гимна», и эта формула, которую три четверти века назад многие исследователи пытались интерпретировать как очевидное доказательство монотеистического характера амарнской «контррелигии» (что по очень многим параметрам не соответствует истине), несомненно, напоминает некоторые пассажи Каирского гимна, хотя и лишена (в силу указанных выше причин эмпирического свойства) той глубины спекулятивной экспликации, которая так характерна для всей фиванской теологии Аму-ну-Ра.

Став тяжелейшим потрясением для всей традиционной древнеегипетской теологической мысли и, прежде всего, для фиванской теологии Аму-ну-Ра — потрясением, равного которому не знала египетская религия и культура ни в эпоху

Нового царства, ни в предшествующие исторические периоды — амарнская «контррелигия», тем не менее, иногда использовала те же самые формальные приемы для создания своих собственных теологических построений, что и главный и наиболее ненавистный ее «конкурент» в лице фиванской теологической традиции.

Несмотря на то, что амарнская теология, безусловно, является вариантом радикального отрицания этой теологической линии, она не внесла существенных изменений в интерпретацию теокосмогонической проблематики в том виде, в каком данная проблематика вообще изложена в ее источниках, в первую очередь, в «Большом гимне» Атону. Однако, будучи наиболее заметным событием во всей культурной истории Египта Нового царства, амарнская религия тем самым оказала колоссальное влияние на последующее развитие всей древнеегипетской пред-философской мысли и в том числе ее теокосмогонических концепций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) [1—4; 7—9; 11] и другие работы.
- (2) Одну из наиболее заметных попыток такого рода в западной историографии предпринял в середине прошлого века известный американский исследователь Дж.Г. Брэстед [6. P. 272—302].
- (3) Тема связи амарнской религии с традиционными солярными культами получила в 80—90-х гг. прошлого века подробное освещение в целом ряде работ Я. Ассмана, которому, собственно, и принадлежит первенство введения в египтологический религиоведческий лексикон термина «новая солнечная теология» [5. S. 212—213].
- (4) По мнению Э. Додсона, одним из первых «абстрактных» изображений Атона (то есть не в антропоморфном, а в столь привычном для всей последующей амарнской иконографии «гелиоморфном» облике со множеством протянутых к земле рук-лучей) в качестве источника жизни для всего существующего, созданных в «протоамарнском» стиле, можно считать барельеф из Карнакского храма Амуна-Ра в Фивах (Louvre E13482ter), в настоящее время хранящийся в парижском Лувре и изображающий юного Аменхотепа IV поклоняющимся своему «гелиоморфному» солярному божеству; из произведений искусства уже собственно амарнской эпохи наиболее ярким образцом подобного рода, несомненно, может служить барельеф с изображением Эхнатона, Нефертити и их дочерей в «обществе» Атона из Берлинского музея (Berlin 14145). Более подробно об этом см. в [7. P. 6—8].
- (5) В этом отношении чрезвычайно любопытны, например, изыскания Д. Лортона, весьма убедительно показавшего в свое время наличие целого ряда общих мотивов (в первую очередь, антропоцентристского характера) в космологии и интерпретации образа творца мира в заклинании 1130 из «Текстов саркофагов» и «Гимне творцу» из эпилога «Почтения царю Мерикаре» с одной стороны и в «Большом гимне» Атону — с другой [10. S. 125—155].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Перепёлкин Ю.Я.* Кэ́йе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. — М., 1979.
- [2] *Перепёлкин Ю.Я.* Переворот Амен-Хотпа IV. — Ч. I. — М., 1967.
- [3] *Перепёлкин Ю.Я.* Переворот Амен-Хотпа IV. — Ч. II. — М., 1984.

- [4] *Anthes R.* Die Maat des Echnaton von Amarna. — Baltimore: Supplement to the “Journal of the American oriental society”. — № 14. — April—June, 1952.
- [5] *Assmann J.* Ägypten. Eine Sinngechichte. — München, 1996.
- [6] *Breasted J.H.* The dawn of conscience. — New York; London, 1935.
- [7] *Dodson A.* Amarna Sunset. — Cairo, 2009.
- [8] *Hornung E.* Echnaten. Die Religion des Lichtes. — Zürich, 1995.
- [9] *Lange K.* König Echnaton und die Amarna-Zeit. Die Geschichte eines Gottkünders. — München, 1951.
- [10] *Lorton D.* God’s Beneficent Creation: Coffin Texts Spell 1130, the Instructions for Merikare and the Great Hymn to the Aton — Studien zur Altägyptischen Kultur. — Bd. 20 (1993).
- [11] *Redford D.B.* Akhenaten, the heretic King. — Princeton, 1984.
- [12] *Sandman M.* Texts from the time of Akhenaten. — Bruxelles, 1938.

THEOCOSMOGONY OF EGYPTIAN RELIGIOUS TEXTS FROM AMARNA-TIME: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

V.V. Zhdanov

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples’ Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article focuses on some philosophical aspects of theocosmogony in Egyptian texts of Amarna time (XIV century B.C), especially in the so called “Great Hymn to Aten”, one of the most famous Egyptian religious texts of New Kingdom. The author offers historical and philosophical approach to analyzing the problem of creation in Egyptian pre-philosophic and religious thought in the time of the famous “heretic king” Akhenaten and his successors.

Key words: pre-philosophy, Aten, solar theology, creation, royal ideology, mythology.